

Лидия Чарская

**Лидия Чарская. Том 13.
Большая Душа**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Ч-22

Чарская Л.
Ч-22 Лидия Чарская. Том 13. Большая Душа / Лидия Чарская – М.: Книга по Требованию, 2012. – 124 с.

ISBN 978-5-458-04437-0

Причудливые, полные интриг приключения героев повестей Чарской переплетаются с их высокими, благородными чувствами и поступками. В том мире, который создала Лидия Чарская, негодяям и мерзавцам не удастся взять верх над светлыми, честными, чистыми душами. Ее герои такие, какими в основном наверняка хотелось бы стать и тебе: чтобы, несмотря на препятствия, все удавалось, чтобы тебя любили хорошие люди, а твоя душа отзывалась на эту любовь, бескорыстно и преданно.

ISBN 978-5-458-04437-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Лидия Чарская
Полное собрание сочинений
Том тринадцатый

Для детей среднего и старшего возраста
С рисунками

Большая душа

Глава 1

Мачеха ушла, как всегда, в половине седьмого.

Веня проснулся как раз в ту минуту, когда входная дверь хлопнула за Дарьей Васильевной.

Открыл глаза и тотчас же закрыл их снова, сладко потягиваясь.

Весеннее солнце заливало комнату. В незавешенное окошко смотрело ясное синее небо с легкими облаками. Весело перекликались голуби на крыше, чирикали драчливые воробьи, радостно приветствуя возвращение весны.

Хорошо лежать так, подставляя лицо ласковому солнцу.

Вене кажется в такие минуты, что добрая фея солнца слетает в их маленькую квартирку и рассказывает ему чудесные весенние сказки — сказки про него, про Веню. Как будто сейчас, он и не Веня даже, убогий горбун, пасынок поденной швеи Дарьи Васильевны и сын рослого человека, с лицом, обветренным морскими ветрами, лицом кочегара, плававшего в море с тех пор как помнит себя маленький Веня, — а маленький принц, попавший в неволю к злому волшебнику. Злой волшебник разгневался на родителей Вени и превратил их сына в калеку-горбуна. Но чары злого волшебника должны рассеяться, как только разыщет Веню маленькая золотоволосая фея и поцелует его волшебным поцелуем. Однако феи не любят дождливой погоды и с наступлением холодов, вместе с перелетными птицами, улетают далеко в южные страны. А когда по-весеннему засмеется небо и солнечные лучи вырвутся из высокого голубого терема, прилетает на землю и лучезарная красавица-фея. Прилетит она как-нибудь и склонится к его изголовью, и поцелует его в закрытые глаза. И он проснется, и почувствует себя здоровым, сильным и красивым, как все остальные дети, у которых нет горба за спиной.

Ах, если бы могли сбыться когда-нибудь эти мечты, забравшиеся в голову мальчика после чтения книг, которые Дося приносила ему из дома каждый вечер. И нынче она обещала принести ему сказки Андерсена. Веня уже читал их дважды, но чуть ли не в сотый раз готов он прочесть их, особенно про маленькую трогательную русалочку, которая самоотверженно любила принца. И про гадкого утенка тоже. Иногда Вене кажется, что он сам гадкий утенок. Недаром же дети во дворе так долго не хотели играть с ним. Но придет время, и прекрасная волшебница-фея, с лицом Доси, прилетит, поцелует его и превратит в прекрасного лебедя. Тогда уж он, Веня, сумеет воспользоваться своей чудесной свободой! Он прежде всего полетит к морю, где плавает судно, на котором служит его отец, и уговорит его вернуться домой.

Возвращение отца — вторая заветная мечта ребенка.

Веня помнит отца прекрасно. Да и мудро его забыть мальчику, когда кочегар судна добровольного флота «Трувор» приезжает обязательно раз в год навестить жену и сына, а иной раз провести с ними зимние месяцы.

Веня смутно помнит ранние годы детства. Помнит южный порт, лес корабельных мачт в гавани. Была еще жива его родная мама, болезненная женщина, с необычайной нежностью любившая своего калеку-ребенка.

Отец и тогда плавал в море и только наездами жил с ними.

Во время одного из плаваний Венина мать скончалась. Хорошо еще, что в эти дни у них гостила подруга матери, швея из далекой столицы, приехавшая отдохнуть к приятельнице. Благодаря ей Венья не остался один до возвращения отца.

Дарья Васильевна была еще не старая, энергичная девушка. Она пригрела и приласкала сироту. Она же дала слово вернувшемуся домой Ивану Федоровичу Дубякину заботиться и впредь об его сынишке, которому минуло тогда три года. Она увезла Веню в Петербург, так как сам Иван Федорович не решился бы взять с собою в море болезненного ребенка.

В один из своих приездов в Питер Дубякин, видя, как хорошо заботится о его мальчике добрая девушка, предложил Дарье Васильевне выйти за него замуж. Последняя была не прочь сочетаться браком с хорошим человеком, имевшим, несмотря на суровый вид, доброе сердце. Она сильно привязалась к маленькому Вене. А тут еще сыграло немалую роль письмо покойной жены Дубякина, матери Вени, написанное мужу незадолго до смерти. В этом письме больная женщина просила мужа жениться на Дашеньке, которая, по ее убеждению, должна была быть примерной матерью их маленькому сынишке.

И желание покойной было выполнено. Старый морской волк, Иван Дубякин, не мог оставить на произвол судьбы убогого сына после смерти жены.

Он справил скромно свадьбу и, сдав на попечение Веню второй матери, снова ушел в дальнейшее плавание.

* * *

"Пора вставать, довольно нежиться", — решил Венья и поднялся с постели. А мечтательная улыбка так и осталась на его лице, отражаясь в синих глазах, составлявших единственную прелесть неказистой внешности горбуна.

У людей составилось мнение о горбатых как о существах, озлобленных на весь мир. Но у Вени не было ни капли озлобления ни на судьбу, ни на людей. В его мечтательных глазах была только кротость и грусть.

— Ой, никак я проспал? Восемь уже пробило, — прислушиваясь к глухому бою часов за стеной, в квартире соседей, произнес мальчик и подбежал к окну.

Окно квартиры Дубякиных находилось на верхнем этаже огромного каменного дома, стоявшего в одной из дальних линий Васильевского острова. Внизу белел квадрат двора-колодца. Здесь же неожиданно радовали глаз три чахлые березки, Бог весть, каким чудом выросшие среди камней. Венья глянул вниз и увидел напротив, у крыльца, ведущего на черную лестницу, торговца-рыбника, окруженного женщинами.

Рыбак приходил ровно в семь часов утра и оставался у этого крыльца до половины восьмого, после чего направлялся дальше.

— Стало быть, не проспал, — решил Венья.

Потом, еще не вполне доверяя себе, Венья перевел глаза выше, на третий этаж.

Так и есть! Времени не может быть больше семи, ни в каком случае.

Девочка-прислуга, служившая у старухи-ростовщицы, жившей на третьем этаже, каждое утро протирала оконные стекла. Венья знал, что девочку зовут Лизой, и что ей житья нет от злой старухи, заваливавшей ее работой. Но никакая работа не смущала Лизу и менее всего отзывалась на ее веселом настроении. С наступлением весны каждое утро она с тазом мыльной воды и полотенцем появ-

лялась в окне старухиной квартиры, которую Веня давно уже называл про себя "логовищем ведьмы". То напевая себе под нос, то заливаясь песней на весь двор, Лиза исполняла работу.

Веня каждый раз с затаенным страхом следил, как ее тоненькая фигурка повисала над провалом двора, держась за верхнюю часть рамы одной рукой, а другой протирала стекла с наружной стороны рамы. Было так жутко смотреть на это, что Веня невольно зажмурился.

Веня подолгу следил за работой девочки и искренне жалел бедняжку. И нынче, проверяя время по ее работе, он не мог не задержаться на мысли о том, что рано или поздно восторжествует правда, и бедная Золушка будет спасена велением доброй волшебницы, а ее старая мучительница, злая колдунья, будет превращена в ворону, как злая мачеха принцессы Белоснежки.

Убедившись, что утро еще раннее, и что он не проспал нисколько, Веня отошел от окошка и поспешил в кухню.

На плите закипал заваренный кофе. Тут же стояла кастрюлька с молоком, а в глиняном горшке, стоявшем на кухонном столе, находились остатки вчерашнего супа, два сырых яйца, которые вместе с большим ломтем хлеба и долей масла на блюдечке мачеха оставила Вене к обеду.

Вечером же Дарья Васильевна приносила вместе с провизией к следующему дню немного готовой закуски к ужину, а иногда добавляла чего-нибудь сладенького для Вени.

Наскоро одевшись и вымывшись под кухонным краном, Веня напился кофе и принялся за уборку.

Мальчик прибрал свою постель на старом потертom кожаном диване. Взял веник из кухни и тщательно вымет все помещение, не забыв стереть пыль с вещей в комнате. Покончив с этим делом, Веня прошел в кухню и тщательно вымыл и вытер кружку, из которой только что пил кофе.

Оставалось только подбросить дрова под плиту, чтобы разогреть щи к обеду, сварить кашу да спечь в духовке деревенскую яичницу с молоком, которую выучила его готовить мачеха. Дрова находились между двумя половинками входной двери, и Веня уже собрался направиться за ними, как резкий, дребезжащий звук колокольчика нарушил тишину крошечной квартиры.

Мальчик вздрогнул при первых звуках звонка. Но тотчас же весело и радостно улыбнулся, и глаза его засияли ярче.

"Дося! Наверное, она. Кто же другой будет так отчаянно трезвонить?" — промелькнуло в мыслях маленького горбуна, и он поспешил к двери.

* * *

— Ну, конечно, Дося!

Высокая, тоненькая девочка с белокурыми локонами, разбросанными по плечам и перехваченными двумя яркими алыми бантами над маленькими розовыми ушами, в платье, из которого она успела вырасти, вбежала в кухню и кинулась к маленькому горбуну, уткнулась ему лицом в плечо и зарыдала.

— Она опять... опять меня прибила!

— И опять ни за что, ни про что, конечно? И опять ты, конечно, пострадала невинно, бедная Дося? — произнес Веня.

Новое рыдание было ответом на его слова.

Девочка освободилась из рук своего приятеля и ушла в комнату. Здесь она повалилась на кожаный диван и, зарывшись лицом в потертую гарусную подушку, вышитую когда-то Дарьей Васильевной в подарок мужу, залепетала, всхлипывая и обрываясь на каждом слове.

— Ну чем я виновата, скажи на милость, что не могу и не умею я читать стихи, как она? Нет у меня таланта ни капли, да и только. Ну, послушай, горбунок, сам подумай: если она такая умная — не все же должны быть такими? И таланта у меня столько же, сколько у черной курицы соседей... Ах ты, Господи! Уж я и не знаю, что мне делать, горбунок, право. Ведь обидно же слушать каждый раз, что я «дылда» и «тупица» и что мне давно пора подумать о том, как зарабатывать себе самой хлеб; и что я до четырнадцати лет, как камень, вишу у нее на шее. Да разве я сама рада этому? Да что же делать, горбунок, если я уж такая ничтожная и бездарная уродилась? Ни шить, ни вышивать не умею. Да и не люблю я этого. Пускай лучше в дырках вся ходить буду, а ни за что ничего не почию себе сама... Ни за что в мире! За это она и бранит меня. А потом — эти стихи! Мука — декламировать их перед ней! Не в силах я этого делать, горбунок мой хороший! Ты представь себе только: сядет она в кресло, такая нарядная, красивая, благоухающая, и начнет смотреть на меня своими чудными глазами. Смотрит и ждет, когда я начну. А у меня, как нарочно, в голове последние мысли путаются. И под коленками что-то дрожит. Захочется не стихи ей читать, а говорить ей, какая она прекрасная, добрая, а я гадкая, противная, бездарная перед нею.

— Неправда! Не добрая она, если тебя бьет и мучит немилосердно, — оборвал шепот девочки Веня.

Тут, словно на пружинах, подскочила со своего места Дося. Ее мокрое от слез лицо просияло, а карие глаза блеснули.

— Вот уж нет, вот уж неправда! — вырвалось у нее. — Совсем она не злая и меня не мучит, а только вспылчивая немножко она, моя крестная! Виновата же я одна в том, что ее из себя вывожу. И не смей ее бранить, горбунок, слышишь? Потому что она ангел, и ни ты, ни я не смеем ее судить! Когда она выходит на сцену, публика плачет и засыпает ее цветами. Она была бы первую актрисой в мире, если бы у нее были деньги и наряды. А без нарядов не больно-то легко выступать на сцене. Ах, да что я тебе говорю все это? Ты, наверное, ничего не понимаешь. И крестную мою судишь потому только, что ее не понимаешь!

— А зачем она тебя прибила опять сегодня?

— Ну вот, уж и прибила! Да ничего подобного — ударила всего два раза, даже и не больно было вовсе.

— Да ведь ты же плакала?

— Ну да, плакала. Так что ж из этого? Глаза у меня на мокром месте, оттого и плакала. А вот сейчас, видишь, уж и не плачу вовсе, не плачу, а смеюсь. Ха-ха-ха, миленький ты мой, глупенький ты мой горбунок Веничка! Славный ты мой, верный дружок!

Дося действительно смеялась искренне и беззаботно. Теперь Дося уже не казалась тою обиженной и несчастной девочкой, какой прибежала поведать свое горе несколько минут тому назад.

Веня ласково смотрел на девочку.

Дети встретились два года тому назад в соседней лавке, где они оба закупали себе на день провизию. Он, пасынок швеи Дубякиной, и она, крестница и воспи-

танница драматической актрисы частного театра Ирины Иосифовны Подгорской, снимавшей комнату в том же доме, где жил с мачехой Веня.

Случилось так, что Дося, прибежавшая в лавку за восьмушкой чая и фунтом ситного, потеряла деньги по дороге, и ей нечем было платить. Убедившись в своей потере, девочка помертвела. Ирина Иосифовна была строга со своей крестницей и не спускала ей никаких оплошностей. Сама не своя, девочка выбежала из лавки и, вернувшись во двор большого дома, вместо того, чтобы подняться к себе в комнату, забилась в темный угол двора, туда, где были сложены поленья и всякая рухлядь. Здесь и нашел ее Веня. Он отдал ей ту небольшую сумму денег, что оставила ему на обед мачеха, не успевшая купить ему провизию накануне.

Дося, не колеблясь, приняла помощь от своего неожиданного благодетеля, а Веня храбро вынес до вечера муки голода, на которые обрек себя ради чужого блага.

С этого дня и началась их дружба.

Надо сказать, что Дося Оврагина пользовалась исключительным влиянием среди дворовой детворы. Это были дети жильцов огромного каменного дома, населявших маленькие квартирки. Дося была и старше, и начитаннее, и развитее их всех.

До сих пор эти ребяташки избегали общества слабого и тихого Вени.

— Уйди от греха дальше, еще толкнут тебя ненароком, ушибут, заплачешь, нам же достанется, — часто слышал от детей маленький калека и поневоле должен был сторониться детского общества.

Но со дня знакомства с Досей Оврагиной все изменилось. Двенадцатилетняя Дося первая среди дворовой детворы заводила игры, придумывала интересные забавы, и ей беспрекословно подчинялись здешние ребяташки. Однажды Дося заявила ребятам, что желает, чтобы и «горбунок», то есть Дубякин Веня, участвовал в их играх, дети покорились, и Веня Дубякин был единогласно принят в их кружок.

Было что-то притягивающее в открытом веселом, хотя и легкомысленном характере Доси, что главным образом и подчиняло ей остальных детей. Подчинился ей и Веня. Теперь он, как маленький паж, ходил за своей королевой и безропотно позволял ей командовать собой.

И Дося, одинокая, с изголодавшейся без дружбы душой, нашла, наконец, себе друга и товарища, Веню. Теперь все свободное время дети проводили вместе. У Доси было много книг, и Веня, научившись читать в приготовительной школе, которую посещал две зимы подряд и которую окончил лишь этою весной, с жадностью накинулся на них. Особенно любил он сказки. Да и длинные беседы его с Досей как будто мало отличались от сказок, прочитанных Веней.

Дося была сама точно интересная книга — сказка. Она верила в колдунов, добрых и злых фей, ведьм и волшебниц и буквально бредила ими. И со дня знакомства с девочкой Веня словно погрузился в какой-то новый мир волшебных сказочных грез.

* * *

— Ха-ха-ха, — вдруг неожиданно звонко расхохоталась Дося, — вот-то я глупая! Совершенно забыла, зачем пришла. Новость ведь я тебе принесла, Веня,

и очень нерадостную новость. Послушай-ка, горбунок, ведь мы с тобой последние месяцы проводим вместе!

— Как так — последние? Что ты такое говоришь, Дося? — испуганно проронил мальчик.

— Ну да, последние. В августе я — тютю; послушай только: крестная получает место в провинции, где-то далеко-далеко отсюда; очень хорошее место, где она будет играть настоящих принцесс и королев. И жалованье там ей будут платить большое. Ну, конечно же, она и меня возьмет с собой и тоже пристроит у них в театре, где я буду исполнять роли девушек из толпы, в тех пьесах, конечно, где требуется толпа на сцене. Недаром же крестная занялась сейчас моими манерами и уроки декламации возобновила со мной. Она говорит, что не всем же актрисам и актерам играть главные роли, надо кому-нибудь изображать и второстепенные, маленькие, и что хоть на это-то я, может быть, окажусь способной. Такая громадная, а целыми днями бьет баклуши. Пора за работу браться. Каждый человек работать должен. Это она мне сегодня еще до урока декламации сказала. И еще сказала, что своему будущему начальнику — антрепренеру то есть, уже писала обо мне и ответ уже его получила. Он согласен принять меня статисткой на маленькое жалованье в свою труппу. Так-то, мой милый горбунок, первого августа — мы с тобой, значит, и должны расстаться, волей-неволей.

Это известие ошеломило Веню. Одна мысль о разлуке с Досей показалась мальчику чудовищной.

— А как же я-то один останусь? Что я тут без тебя делать буду, — с трудом выдал из себя маленький горбун; синие глаза мальчика наполнились слезами.

Даже беспечная, жизнерадостная Дося почувствовала, как должен был сейчас страдать ее друг. Горячая волна жалости залила ее маленькое сердце.

— Послушай меня, горбунок, послушай, — говорила она, обняв за шею Веню, и потянула его на их любимое место у окна. Здесь девочка уселась на подоконник и, указав на место подле себя, скомандовала:

— Садись!

Подождав, пока Веня уселся рядом, Дося заговорила:

— Ты не горюй, горбунок, в самом деле, не горюй. Я буду писать тебе часто-часто и вспоминать о тебе каждый день. И потом, не думаешь ли ты, в самом деле, что в одно прекрасное утро в твоё окно, действительно, влетит пара белых лебедей, впряженных в маленькую золоченую колесницу, в которой будет сидеть добрая волшебница-фея. Понимаешь, горбунок, — наша с тобой добрая фея! И вот она превратит тебя, наконец, в прекрасного принца, горбунок, в настоящего прекрасного принца, в бархатном камзоле, в берете, с плюмажем, как на той чудесной картинке из моей книги сказок. И ты придешь за мною и увезешь в свой дворец. То-то будет чудесно! Целый день будет греметь в честь нашего приезда веселая музыка. И есть мы будем на золотых тарелках самые прекрасные кушанья, ананасы, например, и спаржу, и еще шоколад-миньон...

— И ливерную колбасу... Я ее люблю ужасно! — подхватил Веня, внезапно заражаясь настроением подруги.

— Да, да, и ливерную колбасу, если, хочешь. Хотя вряд ли в королевских дворцах подаются такие простые вещи. Вот другое дело, рябчики, фазаны и персики или кондитерские конфеты и сливочное мороженое, — мечтательно перечисляла Дося. И тут же призналась с очаровательной искренностью: —

